ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-8-18
УДК 364.62(470.332)

CC BY

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДОКУМЕНТАМ ОТЧЕТНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Т. Е. Покотилова
Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, д. 1, Ставрополь, 355017, Россия

Аннотация
Введение. Статья посвящена проблеме отражения истории организованного общественного благотворения в документах отчетности общественных благотворительных организаций Терской области. Благотворительность, всегда поддерживаемая православием и исламом, стала одним из объединяющих народы Терской области процессов вхождения их в политико-экономическое и социокультурное пространство Российской империи, обеспечивавшим, с одной стороны, – организацию социального попечения о нуждающихся в нем, с другой, очень значимой для успешного развития региона, – серьезную поддержку в создании в области современной системы образования и воспитания. **Материалы и методы.** Поскольку описание привлекаемых источников и искомое обобщение на пути исследования богатейшей истории отечественного благотворения находятся в неразрывной связи, одним из методов изучения закономерно избирается нарративный метод. Также, как и исследование изменений в данном процессе, невозможно без обращения к историко-генетическому методу. Изучение материала на достаточно длительном временном интервале невозможно без использования метода периодизации. Как и поиск аналогий невозможен без обращения к сравнительному методу, а сопоставление – без опоры на возможности типологического метода. **Результаты.** Период последней четверти XIX – начала XX веков в России в целом – это время активного организованного общественного участия как в продолжении уже сложившихся национальных благотворительных традиций, так и в рождении, и расширении диапазона новых благотворительных форм на фоне роста гражданской активности в стране, имевшей при этом серьезные ограничения на иные виды социальной, тем более объединенной, общественной деятельности. Выстроенная в Российской империи второй половины XIX – начале XX вв. система отчетности для общественных благотворительных организаций, как и налаженные, в соответствии с нормативными требованиями, обратная связь с органами власти и обязательная публичность, и гласность в производимых ими уставных действиях, позволяют исследователям при моделировании конкретно-исторической картины дореволюционной отечественной благотворительности обращаться к огромному количеству отложившихся источников. В данном случае, привлеченные к

анализу лишь единичные ежегодные отчеты и ответы на «вопросные пункты» от власти ряда благотворительных обществ вводят ученого в уникальный мир практического благотворения в Терской области. **Заключение.** Полноценное изучение названных типов источников, наряду с остальными их видами, позволяет раскрывать полнокровную картину практического благотворения в ее непрестанном развитии и постоянном включении в процесс все большего числа неравнодушных организованных граждан. Регион, ставший административной территорией Российской империи в начале второй половины XIX в., входя и осваиваясь в социокультурном пространстве России, органично влился в процесс активного организованного общественного участия в продолжении уже сложившихся в стране благотворительных традиций и в рождении, и расширении диапазона новых благотворительных форм. Главные причины к этому – вынужденная для нового российского региона необходимость социокультурного развития темпами, обеспечивавшими необратимость процессов вхождения населения региона в состав России, и закономерный, в условиях модернизационных преобразований, рост гражданской активности в стране в целом.

Ключевые слова: отечественная благотворительность, Российская империя, Терская область, общественные благотворительные организации, регламентированный характер деятельности, отчетность, гласность

Для цитирования: Покотилова Т. Е. (2024). Благотворительность в Терской области по документам отчетности благотворительных обществ // История: факты и символы. 2024. № 4 (41). С. 8-18. doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-8-18

Статья поступила: 20.07.2024

Статья принята в печать: 20.10.2024

Статья опубликована: 11.12.2024

© Покотилова Т., 2024

CHARITY OF THE TERSKIY REGION ACCORDING TO THE REPORTING DOCUMENTS OF CHARITABLE SOCIETIES

T. E. Pokotilova
North-Caucasian Federal University
Pushkin St., 1, Stavropol, 355017, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the problem of reflecting the history of organized public charity in the reporting documents of public charitable organizations of the Terskiy region. Charity, always supported by Orthodoxy and Islam, became one of the processes uniting the peoples of the Terskiy region on the way to their entry into the political, economic and socio-cultural space of the Russian Empire, providing, on the one hand, the organization of social care for those in need, and, on the other hand, giving a serious support for the establishment of a modern educational system, that was very significant for the successful development of the region. **Materials and methods.** The narrative method is chosen as one of the methods of study because the description of the sources involved and the sought generalization on the way to studying the richest history of domestic charity are inextricably linked. It should be noted that the study of changes in this process is impossible without resorting to the historical-genetic method. The study of material on a sufficiently long time interval is impossible without using the periodization method. And, also the search for analogies is impossible without resorting to the comparative method, and comparison – without relying on the possibilities of the typological method. **Results**. The period of the last quarter of the 19th – the beginning of the 20th centu-

ries in Russia as a whole is a time of active organized public participation both in the continuation of the already established national charitable traditions, and the emergence and expansion of new charitable forms against the background of growing civic activity in the country, which at the same time had serious restrictions on other types of social activity, especially united one. The reporting system for public charitable organizations built in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries, as well as established, in accordance with regulatory requirements, feedback from authorities and mandatory publicity and openness in their statutory actions, allow researchers to refer to a huge number of sources when modeling a specific historical picture of pre-revolutionary domestic charity. In this case, only a few annual reports and answers to "question points" from the authorities of a number of charitable societies involved in the analysis introduce the scientist to the unique world of practical charity in the Terskiy region. **Conclusion**. A full study of these types of sources, along with the other ones, allows to reveal a full picture of practical charity in its continuous development and constant inclusion in the process of an increasing number of concerned organized citizens. The region which became the administrative territory of the Russian Empire at the beginning of the second half of the 19th century, entering and mastering the socio-cultural space of Russia, organically integrated into the process of active organized public participation in continuation of already established charitable traditions in the country both in emergence and expansion of the range of new charitable forms. The main reasons for this are the forced need for the new Russian region for socio-cultural development at a pace that ensures the irreversibility of the processes of the region's integration into Russia, and the natural, under conditions of modernization, growth of civic activity in the country as a whole.

Keywords: Domestic charity, the Russian Empire, the Terskiy region, public charitable organizations, regulated nature of activity, reporting, openness
For citation: Pokotilova T. (2024). Charity of the Terskiy region according to the reporting documents of charitable societies In *History: facts and Symbols*, 4 (41), 8-18. doi.org/10.24888/2410-4205-2024-41-4-8-18
Received: 20.07.2024
Revised: 20.08.2024
Published: 11.12.2024
© Pokotilova T., 2024

1. Введение

Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон в своем знаменитом Энциклопедическом словаре называли благотворительность проявлением сострадания к ближнему и даже нравственной обязанностью имущего спешить на помощь неимущему [5, стб. 55]. Соколов А. Р. предлагает нам мнение социолога Л. Бранта о семи мотивах к благотворению. Это: «1. Сострадание как первоопределяющий, инстинктивный элемент. 2. Огромное желание божественного одобрения, вера в то, что благотворительность есть средство избежать ада и попасть на небеса. 3. Пожертвование с целью оправдать (или превзойти) ожидания коллег, своеобразный филантропический шик. 4. Демонстрация верности и привязанности к заведению со стороны бывших воспитанников. 5. Осведомленность, непосредственное знание нужд конкретного объекта благотворительности. 6. Пожертвование ради удовольствия делать добро, желание испытать радость, которую может дать этот акт. 7. Дарение из интеллектуальных и эстетических побуждений, из чувства справедливости, такого понимания норм морали, которое обычно выражается словами «на благо человечества» [19, с. 150].

2. Материалы и методы

В Российской империи периода последней четверти XIX века история благотворительности насчитывала уже не одно столетие, а сложившиеся ее традиции были очень прочными и

богатыми на события, масштабы и формы. История эта нашла достойное отражение не только в официальных фундаментальных сборниках [1]; [2]; [3]; [4], зачастую представлявших собой информационно-статистические издания, публикацией которых подчеркивались и подтверждались нацеленность власти на продолжение и расширение традиций активного отечественного милосердия и объемность и широта диапазона видов и форм практического благотворения в стране. Многие из участников отечественного благотворительного процесса считали своим долгом его изучать, анализировать и пропагандировать. Среди самых видных имен здесь, на наш взгляд, надо в первую очередь упомянуть Е. Д. Максимова [13]; [14]; [15]; [16], П. И. Георгиевского [6]; [7] , В. Ф. Дерюжинского [10]; [11], В. Ильинского [12], В. И. Герье [8]; [9]. Отметим при этом, что большинство их трудов состоялись, в том числе, благодаря активной издательской деятельности большого числа других авторов, подробно описывавших благотворительную практику на местах в части ее отдельных акторов. Советское время, по определению, не могло стать периодом продолжения такой исследовательской и публикационной активности: социализм предложил и активно продвигал подход, связанный с гарантиями государственной социальной защиты для всех граждан страны. Современные исследователи, таким образом, получили и активно используют возможность, в опоре на обновленные методологические позиции и отрывшуюся богатейшую источниковую базу, обратиться к одному их важнейших и протяженных во времени социокультурных феноменов в истории России через подготовку научных статей, научных монографий, диссертаций, проведение научных конференций, создание научных центров и лабораторий и пр.

Открывшиеся возможности методологического плюрализма, вовлекшие в круг исследователей такого богатого на события и людей отечественного социокультурного феномена как благотворительность большое количество современных ученых, позволяют обращаться к полноценному изучению его различных сторон, выявляя его направления, масштабы, особенности и привлекая к анализу многочисленные разноформатные источники, откладывавшиеся по мере его эволюции. Поскольку описание привлекаемых источников и искомое обобщение на пути исследования богатейшей истории отечественного благотворения находятся в неразрывной связи, одним из методов изучения закономерно избирается нарративный метод. Также, как и исследование изменений в данном процессе невозможно без обращения к историко-генетическому методу. Изучение материала на достаточно длительном временном интервале невозможно без использования метода периодизации. Как и поиск аналогий невозможен без обращения к сравнительному методу, а сопоставление – без опоры на возможности типологического метода.

Используя названные возможности, изучающие историю отечественной благотворительности пришли к выводу о том, что период последней четверти XIX – начала XX веков в России – это время активного организованного общественного участия как в продолжении уже сложившихся национальных благотворительных традиций, так и в рождении и расширении диапазона новых благотворительных форм. И одна из главных причин к этому – закономерный, в условиях буржуазных преобразований, рост гражданской активности в стране, имевшей при этом серьезные ограничения на иные виды социальной, тем более объединенной, общественной деятельности. Особенно, на наш взгляд, концептуально, комплексно и убедительно это показано в работах А. Р. Соколова «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.)» [19] и «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.)» [18].

3. Результаты

Уже общеизвестно, что в 1862 г. властью была предложена и нормативно регламентирована процедура открытия частно-правовых благотворительных обществ. И к 1880 г. их насчитывалось уже 348 , а к 1901 г. – 6268: это были общеблаготворительные общества, оказывавшие помощь различных видов, общества, создававшие и патронировавшие деятельность благотворительных заведений, и общества, создававшиеся для оказания помощи в какой-либо одной

форме [1, с. XXXV]. Общества эти открывались и активно себя проявляли не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в большинстве российских регионов.

Вся деятельность таких организаций, согласно законодательству, была строго регламентированной и подотчетной. Наряду с высочайше утвержденной процедурой их открытия на основании обращения в МВД и к региональной власти потенциальных учредителей с предоставлением проекта устава будущего общества, была узаконена и процедура строгой ежегодной отчетности, а также прописана обязательная гласность в деятельности организаций как в части непосредственного содержания и результатов благотворительной практики, так и в части вопросов финансового обеспечения последней. Именно в уставе фиксировались цели создания организации, пути их реализации; назывались возможные источники доходов для обеспечения деятельности общества; определялось, кто и на каких условиях может числиться в составе организации; перечислялись основные обязательные для деятельности общества документы [17, с. 3-4]. Отдельные общественные благотворительные организации закладывали в своих уставах пункт о том, что «…Порядок делопроизводства и форма денежной отчетности определяется особой, с утверждения общего собрания, инструкцией» [24, л.. 5 об.].

Устав об общественном призрении, принятый в 1892 году, содержал более четкую и полную регламентацию работы добровольных благотворительных обществ и статьей 175 подтвердил разрешительный порядок их открытия. Строгая ежегодная отчетность в адрес МВД с обязательным указанием имущества и размеров капитала организации, полученных за год доходов и произведенных расходов, количества опекаемых лиц и пр. сохранялась. Для оптимизации и облегчения работы как инициаторов создания общественных благотворительных организаций, так и надзорных органов, были, в качестве типовых, утверждены т.н. Примерный устав общества пособия бедным и Нормальный уставы. Все утверждаемые благотворительными обществами уставы должны были иметь пункт о содержании, формах и способах представления отчетности. К примеру, устав Владикавказского благотворительного общества, утвержденный 15 июня 1880 г., в п. 26 гласил: «Годовые отчеты Общества, по рассмотрении и утверждении их Общим собранием, публикуются в местных ведомостях, и на основании ст. 1521 т. XIII св. зак. устава Общ. Призр., изд. 1857 г., предоставляются в Главное Управление Наместника Кавказского» [24, л. 9 об.]. Нарушения в этой сфере делопроизводства исключались и влекли за собой, как минимум, закрытие организации и отсутствие возможности ее открытия вновь.

Изданные 4 марта 1906 г. Временные правила об обществах и союзах[1], отменившие, в определенной части, дискреционное право администрации учреждать общества и предложившие не только внятный, но и более современный порядок их открытия, не отменили строгую отчетность в их деятельности.

Во многом именно благодаря этому изучающие дореволюционную историю отечественной благотворительности имеют уникальную возможность обращаться к огромному количеству очень содержательных источников, что позволяет моделировать конкретно-историческую картину организованного благотворения в дореволюционной России максимально приближено к реалиям изучаемой эпохи.

Терская область стала новым административным субъектом Российской империи в эпоху активного модернизационного ее реформирования. Необратимость вхождения многонационального и поликультурного региона в политико-экономическое пространство государства зависела от многих факторов, в числе которых – необходимое социокультурное взаимопроникновение. Благотворительность, всегда поддерживаемая православием и исламом, стала одним из объединяющих народы области процессов, обеспечивавшим, с одной стороны, – организа-

[1] Именной высочайший указ Правительствующему сенату 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. 26. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1909. № 27479.

цию социального попечения, с другой, очень значимой для успешного развития региона, – серьезную поддержку в создании в области современной системы образования и воспитания.

Так, например, изучение отчета деятельности «Общества вспомоществования учащимся г. Владикавказа» за 1892-1893 учебный год, представленного 1 октября 1893 г. [23, л. 4-4 об.], открывает читающему картину практических действий данного вида благотворительных общественных организаций, работавших по стране к тому времени в достаточно большом количестве. При этом в Терской области Общество вспомоществования учащимся г. Владикавказа стало первопроходцем, открывшим путь для появления и давшим бесценный опыт для возникших уже в начале XX века Общества вспомоществования учащимся в г. Георгиевске Терской области, Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Пятигорской мужской и женской гимназиях, Грозненского общества вспомоществования учащимся, Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Кисловодской мужской и женской гимназий, Нальчикского благотворительного общества вспомоществования бедным-больным учащимся высших учебных заведений и учащимся народных училищ и др. [26, л. 3-5]. Начинается отчет с информации о состоянии средств Общества с очень подробным перечислением сумм и источников доходов. Это и деньги от «Владикавказского собрания сбора с карт и входной платы (710 руб. 10 коп.)», и членские взносы (248 руб.), и доходы от лотереи – аллегри, устроенной А.И. Полковниковой (1595 руб. 14 коп.), от детского вечера, устроенного 25 декабря (174 руб. 45 коп.), от благотворительного базара, устроенного во Владикавказской Ольгинской женской гимназии (390 руб. 16 коп.); и пожертвования от преподавателей Владикавказского реального училища (31 руб.) и от г. Цвинетидзе (2 руб. 56 коп.), а также процентные деньги с запасного капитала (188 руб. 10 коп.). Вместе с остатком от прошлого года в итоге Общество располагало суммой в 3480 руб. 12 коп. для осуществления своей уставной практической деятельности. В документе подробно перечислены статьи и суммы расходов в отчетном году. Общество оплатило обучение 31 ученицы Владикавказской Ольгинской женской гимназии (1264 руб.), 22 учеников Владикавказской классической гимназии (612 руб. 50 коп.), 20 учеников Владикавказского реального училища (396 руб.), 12 учеников Владикавказского Николаевского городского училища (75 руб.), 1 ученика Владикавказского Лорис-Меликовского ремесленного училища (25 руб.), одной «ученицы шитью» (20 руб.). Кроме этого, Общество выдало пособия 5 ученицам женской гимназии (54 руб. 70 коп.), 2 ученикам классической гимназии (12 руб. 15 коп.), 4 ученикам городских школ (16 руб. 62 коп.), 5 ученицам городских женских школ (43 руб. 98 коп.). Кроме того, были проведены еще несколько специальных отчислений. А именно: в запасный капитал Общества было отчислено 336 руб. 95 коп., половина поступлений от Владикавказского собрания была отчислена в специальный капитал «оканчивающих курс учения и отправляющихся в высшие учебные заведения» (333 руб. 4 коп.), в запасный капитал было отчислено 40 руб. 26 коп., полученные в погашение билетов бывшего Владикавказского городского банка и неправильно записанные на приход по общей кассовой книге. Таким образом, за отчетный год Общество израсходовало в процессе свой благотворительной деятельности 3 230 руб. 20 коп. Очевидно, что практические действия Общества были сосредоточены, прежде всего, на сборе средств для помощи в оплате обучения и выдаче пособий «недостаточным» учащимся средних учебных заведений г. Владикавказа, городских и ремесленных училищ, а также обеспечении определенной финансовой подушки для поступающих в высшие учебные заведения из бедных семей. Как очевидна и абсолютная прозрачность этих действий: и дело не только в оглашении полученных и потраченных сумм, но и в опубликовании в отчете всех данных об опекаемых, вплоть до количества потраченных на каждого денег.

В отчете, представленном в январе 1909 г. на имя атамана Пятигорского отдела Терского казачьего войска Пятигорским Дамским Кружком о содержании детского приюта «Ясли» в г. Пятигорске в 1908 году [25, л. 27-32], мы находим информацию о том, как представители женской общественной благотворительной организации заботились об организации нормальной жизни детей-сирот и детей из семей, оказавшихся в трудных жизненных условиях в том

числе потому, что мать – единственная кормилица в семье – либо заболевала, либо не имела возможности обеспечить детям, на рабочее время, полноценный присмотр. И делали они это, содержа и организуя работу детского приюта «Ясли». В 1908 году для приходящих детей Ясли работали 256 дней и насчитали за это время 1 912 посещений. Призреваемых на постоянной основе сирот было 9: 6 – в возрасте от 1 года до 6 лет, временно – трое малюток в возрасте нескольких месяцев. С 4 декабря, пока мать находилась на лечении в больнице, временно призревались еще трое детей в возрасте от 2-х до 5-ти лет. Два старших мальчика, живших в приюте, посещали школу, остальные дети, возраст которых позволял это, обучались грамоте в приюте, учила их член Кружка Ю. И. Териева. Кроме этого, под руководством члена Кружка Е. А. Добровольской дети занимались играми и обучались пению. Старшие девочки ткали, в том числе, и на продажу половики. С 1 августа приют взял на себя выдачу обедов трем детям, болевшим на дому. Медицинский надзор и лечение детей в приюте осуществлял, с момента его основания, доктор А. С. Ильин, делал он это бесплатно. Пятигорское общество и коммерсанты относились к нуждам приюта сочувственно, помогая содержать его и питомцев. А Кружок, в свою очередь, своевременно и бесплатно, благодаря помощи К. К. Кибардина, сообщал о состоявшихся пожертвованиях в газете «Пятигорское эхо». При этом главной проблемой в работе благотворительного Кружка оставалась невозможность строительства для приюта собственного здания, какие бы усилия не прилагала к этому председательница организации Анна Викторовна Богданова – средств на это было недостаточно. Очевидно, что женская общественность Пятигорска, как и в России, в целом, в первое десятилетие XX века объединяясь для помощи сиротам и детям дошкольного возраста из бедных семей, старалась организовать их жизнь и досуг, опираясь на собственные, не всегда большие возможности, и привлекая помощь со стороны неравнодушных имущих горожан и профессионалов в лице, в первую очередь, врачей и учителей. При этом, многое достигалось собственными усилиями и обращением к опыту предшественников, в том числе, и жителей Терской области.

Так, отчет в «Терских ведомостях» [20] о танцевальном вечере с базаром в пользу детского убежища, состоявшемся во Владикавказе 21 ноября 1897 г., информирует читающего, прежде всего о сумме, полученной благодаря проведению благотворительного мероприятия – 1 143 руб. 55 коп. Сообщается, что инициатор проведения благотворительного вечера – комитет Общества попечения о сиротах и о бедных детях города Владикавказа – «…столкнулся с полным сочувствием к устроенному комитетом танцевальному вечеру и базару», что вещи для базара были пожертвованы дамами-благотворительницами, а денежные пожертвования поступили от барона Н. Р. Штенгеля, барона В. Р. Штенгеля, баронессы В. П. Штенгель, г-жи Чернявской, г-жи Синяйло, М. С. Кербедзь, г-жи Покровской, г-на Петровского с друзьями (всего перечислены 14 персоналий и назван хор Терского казачьего войска). Отмечены художники Грядовский с сыном, обеспечившие оформление зала. Показательно стремление членов комитета не только в деталях описать результаты мероприятия и перечислить, практически, поименно его участников и жертвователей, но и выразить им признательность, как содействовавшим успеху вечера. И это – сложившаяся традиция, в рамках которой действовали благотворительные общества по всей стране. Выражая благодарность за участие и помощь, общества также привлекали внимание к своей деятельности и стремились расширить круг ее участников и потенциальных жертвователей.

Названная практика, в числе прочего, обеспечила продолжение, несмотря на трудности, и даже расширение организованной благотворительной практики в годы Первой мировой войны. К примеру, судя по отчету Владикавказского отделения армянского благотворительного общества на Кавказе за 1914 год [24, л. 13-14 об.], его состав вырос до 148-ми действительных членов и 6-ти пожизненных членов. Имея к 1 января 1914 г. остаток наличными в 1 122 руб. 72 коп, Общество нарастило баланс до 3.646 руб. 47 коп. При этом взносы обеспечили поступления в 730 руб.; пожертвования составили 626 руб. 74 коп.; семья покойного Л. С. Ахнязярова подарила 600 руб.; А. А. Аванесов, в память о своей матери, пожертвовал в пользу беженцев

100 руб.; кружечный сбор обеспечил поступление 113 руб. 79 коп.; доход от благотворительного спектакля составил 62 руб. 95 коп.; проценты с капитала составили 97 руб. 65 коп.; 55 руб. 62 коп. были получены от продажи изделий корзиночной мастерской; в счет векселя было получено 80 руб. Неприкосновенный же капитал Общества к 1 января 1915 г. составлял 2.462 руб. 48 коп. Статьями расходов в 1914 году стали ежемесячные пособия бедным (741 руб.); единовременные пособия бедным (121 руб.); плата «за право учения бедных детей» (142 руб.); оплата учебных пособий, одежды и обуви бедных учеников (45 руб. 10 коп.); пособие армянскому училищу (500 руб.); «за содержание стипендий» (70 руб.); на постройку училища в Омакане (100 руб.); на «содержание корзиночной мастерской и очистку плантации» (679 руб. 50 коп.); канцелярские расходы (141 руб. 84 коп.); жалование сторожу (60 руб.); мелкие расходы (20 руб. 38 коп).

Отметим, что военный период не стал исключением в плане стремления органов власти иметь полную информацию от общественных организациях, помимо тех отчетов, которые они ежегодно представляли. Речь идет о рассылке специальных «вопросных листов». Традиция эта была заложена значительно раньше и связана была, прежде всего, с активной издательской деятельностью центральной власти, подробно представлявшей в рамках фундаментальных изданий развернутую подробную информацию о деятельности имевшихся в стране благотворительных организаций. Такая информация, и в виде опубликованных сборников, и в виде документов – ответов на «вопросные листы», отложившихся в архивных фондах, представляет собой кладезь неоценимых для исследователей источников. В мирное время вопросы предлагались объемные, предполагающий развернутые ответы, позволявшие составить достаточно полную и подробную картину общественной благотворительной практики в стране. Условия военного времени требовали ответов на вопросы, прежде всего связанные с оценкой возможностей и предпринимаемых на местах действий по минимизации социальных последствий для отдельных категорий граждан во вступившей в войну стране.

Так, например, уже 29 августа 1914 г. благотворительные организации Терской области, опекавшие детей сирот и полу-сирот, отвечали на вопросы, спущенные городскими управами и окружными отделами войсковой администрации. К примеру, «Общество призрения сирот – девочек в память 300-летия благополучного Царствования Дома Романовых» сообщает, что организация расположена в г. Грозном и призревает десятерых девочек, три из которых – круглые сироты, семь – полу-сироты. На вопрос «Призреваются ли здоровые или увечные и каком числе те, и другие отдельно?» отвечают, что – и те, и другие. Возраст призреваемых – от 7-ми до 16 лет, но при наличии дополнительных средств Общество готово взять на себя заботу и о детях от 5-ти лет. На вопрос «Сколько в числе призреваемых детей сельского населения от 2 до 12 лет?» отвечают, что все – «беднота города Грозного». Все призреваемые – православного вероисповедания. Грамоте 7 девочек школьного возраста обучаются в местном Алексеевском училище. На вопрос «Обучаются ли призреваемые сельскому хозяйству или какому-либо ремеслу и какому именно?» Общество отвечает, что девочки в школе «на старшем курсе знакомятся со всеми ремеслами, необходимыми для трудящихся женщин: шитье белья, платья, башмаков и проч.». Из ответов мы узнаем, что собственного здания, из-за недостатка средств, у организации нет, поэтому девочки размещены на частных квартирах, «где и уплачивают за содержание». При этом Общество видит ближайшей целью иметь свой приют. Источниками для покрытия расходов на содержание опекаемых девочек были «членские взносы и редкие небольшие пожертвования, а главный доход – благотворительные вечера». На конец августа Общество потратило на содержание девочек 718 руб. 34 коп., при том, что «часть белья и платья была пожертвована, а затем сама Председательница приняла на себя расход 150 руб. по устройству благотворительного общества». Возглавляла благотворительную организацию жена инструктора персидской кавалерии есаула Штольдера – Елена Варфоломеевна Штольдер [21, л. 46-46 об.].

В отличие от достаточно скромных возможностей «Общества призрения сирот – девочек в память 300-летия благополучного Царствования Дома Романовых» в г. Грозном, Софийский приют в г. Кисловодске, действовавший в составе Ведомства попечительства о Трудовой помощи, – российской благотворительной организации полуобщественного – полугосударственного характера – выглядит более успешным благодаря тому, что Ведомство в свое время помогло приобрести для приюта помещение. Из ответов на вопросы мы узнаем, что в приюте к августу 1914 г. призревалось 13 детей: 4 мальчика и 9 девочек до 14-ти лет. В числе призреваемых от 2-х до 12-ти лет было 4 сироты из сельской местности, все призреваемые были православными. В приюте их обучали портняжному ремеслу, а начальное образование дети получали в учебном заведении в 500 саженей от здания приюта. Основными источниками на покрытие расходов были членские взносы, доходы от кружечных сборов, благотворительных спектаклей, лотерей – аллегри, а также проценты с капитала, пожертвованного Л. Н. Хомяковым – попечителем приюта. Отметим, что рукой временно исполнявшего дела атамана Пятигорского отдела, войскового старшины на документе было сделано примечание: «Норма призреваемых детей – 30 человек. … вакансии главным образом предназначаются для сирот убитых на войне» [21, л. 65-65 об.] .

4. Заключение

Очевидно, что выстроенная в Российской империи второй половины XIX – начале XX вв. система отчетности для общественных благотворительных организаций, как и налаженные, в соответствии с нормативными требованиями, обратная связь с органами власти и обязательная публичность, и гласность в производимых ими уставных действиях, позволяют исследователям при моделировании конкретно-исторической картины дореволюционной отечественной благотворительности обращаться к огромному количеству отложившегося источников. В данном случае, привлеченные к анализу лишь единичные ежегодные отчеты и ответы на «вопросные пункты» от власти ряда благотворительных обществ вводят ученого в уникальный мир практического благотворения в Терской области. Полноценное изучение названных типов источников, наряду с остальными их видами, позволяет раскрывать полнокровную картину практического благотворения в его непрестанном развитии и постоянном включении в процесс все большего числа неравнодушных организованных граждан. Регион, ставший административной территорией Российской империи в начале второй половины XIX в., входя и осваиваясь в социокультурном пространстве России, органично влился в процесс активного организованного общественного участия в продолжении уже сложившихся в стране благотворительных традиций и в рождении, и расширении диапазона новых благотворительных форм. Главные причины к этому – вынужденная для нового российского региона необходимость социокультурного развития темпами, обеспечивавшими необратимость процессов вхождения населения региона в состав России, и закономерный, в условиях модернизационных преобразований, рост гражданской активности в стране в целом.

Список источников и литературы

1. *Благотворительность в России.* В 2-х т. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1907.

2. *Благотворительная Россия. История государственной благотворительности в России.* В 2-х т. СПб.: изд. ... кн. О. Ф. Имеретинской, 1903.

3. *Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России* / под ред. П.И. Лыкошинав. В 2-х т. СПб.: здание Светлейшей княгини О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина, 1901.

4. *Благотворительные учреждения Российской империи.* В 3-х т. СПб.: тип. СПб. АО печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900.

5. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. (1891). *Энциклопедический словарь*. Т. IV. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона). 488 с.

6. Георгиевский, П. И. (1897). *О призрении бедных.* СПб.: Тип. Мор. м-ва. 118 с.

7. Георгиевский, П. И. (1894). *Призрение бедных и благотворительность*. СПб.: Тип. Мор. м-ва. 188 с.

8. Герье, В. И. (1897). *Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах.* СПб.: Государственная типография. 110 с.

9. Герье, В. И. (1898). *О способах помощи безработным*. СПб.: Гос. тип., 1898. 55 с.

10. Дерюжинский, В. Ф. (1897). *Заметки об общественном призрении*. М.: кн. маг. Гросман и Кнебель (И. Кнебель). 115 с.

11. Дерюжинский, В. Ф. (1899). *Общественное призрение у крестьян.* СПб.: Изд. кн. маг. Гросмана и Кнебель (И. Кнебель). 21 с.

12. Ильинский, В. (1908). *Благотворительность в России: история, настоящее положение и задачи.* СПб.: Тип. Имп. Человеколюбив. о-ва. 115 с.

13. Максимов, Е. Д. (1984). *Историческое развитие общественного призрения в России.* СПб.: б.и. 68 с.

14. Максимов, Е. Д. (1907). *Общественное и частное призрение в России*. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук. 296 с.

15. Максимов, Е. Д. (1905). *Общественное попечение о недостаточно трудящемся населении*. СПб.: Гос. тип. 43 с.

16. Максимов, Е. Д. (1897 – 1898). *Очерк частной благотворительности в России.* СПб.: б.и.

17. Плато, К. Г. (1903). *Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министров, губернаторов и градоначальников*. Рига: типо-лит., словолитня и фото-химиграфия Э. Платеса. 268 с.

18. *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 886 с.

19. Соколов, А. Р. (2006). *Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XYIII – конец XIX в.)*. СПб.: Лики России. 647 с.

20. *Терские ведомости*. 1897. 28 ноября.

21. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 11. Оп. 11. Д. 295.

22. ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1532.

23. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 182.

24. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 469.

25. ЦГА РСО-Алания. Ф. 199. Оп. 1. Д. 104.

26. ЦГА РСО-Алания. Ф. 199. Оп. 1. Д. 271.

References

1. *Blagotvoritel'nost' v Rossii* [Charity in Russia]. In 2 Vols. St. Petersburg: Tipo-lit. Nyrkina,1907. (in Russian).

2. *Blagotvoritel'naja Rossija. Istorija gosudarstvennoj blagotvoritel'nosti v Rossii* [Charitable Russia. History of state charity in Russia]. In 2 Vols. St. Petersburg: izd. ... kn. O. F. Imeretinskoj, 1903. (in Russian).

3. *Blagotvoritel'naja Rossija. Istorija gosudarstvennoj, obshhestvennoj i chastnoj blagotvoritel'nosti v Rossii* [Charitable Russia. History of state, public and private charity in Russia] / pod red. P. I. Lykoshinav. In 2 Vols. St. Petersburg: zdanie Svetlejshej knjagini O. F. Imeretinskoj i P. I. Lykoshina,1901. (in Russian).

4. *Blagotvoritel'nye uchrezhdenija Rossijskoj imperii* [Charitable institutions of the Russian Empire]. In 3 Vols. St. Petersburg: tip. St. Petersburg: AO pech. dela v Rossii E. Evdokimov, 1900. (in Russian).

5. Brokgauz, F. A., Efron, I. A. (1891). *Jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. IV. St. Petersburg: Semenovskaja Tipolitografija (I.A. Efrona). (in Russian).

6. Georgievskij, P. I. (1897). *O prizrenii bednyh* [On the care of the poor]. St. Petersburg: Tip. Mor. m-va. (in Russian).

7. Georgievskij, P. I. (1894). *Prizrenie bednyh i blagotvoritel'nost'* [Charity and charity for the poor]. St. Petersburg: Tip. Mor. m-va. (in Russian).

8. Ger'e, V. I. (1897). *Zapiska ob istoricheskom razvitii sposobov prizrenija v inostrannyh gosudarstvah* [Note on the historical development of methods of charity in foreign countries]. St. Petersburg: Gosudarstvennaja tipografija. (in Russian).

9. Ger'e, V. I. (1898). *O sposobah pomoshhi bezrabotnym* [On ways to help the unemployed]. St. Petersburg: Gos. tip., 1898. (in Russian).

10. Derjuzhinskij, V. F. (1897). *Zametki ob obshhestvennom prizrenii* [Notes on Public Welfare]. Moscow: kn. mag. Grosman i Knebel' (I. Knebel'). (in Russian).

11. Derjuzhinskij, V. F. (1899). *Obshhestvennoe prizrenie u krest'jan* [Public contempt among the peasants]. St. Petersburg: Izd. kn. mag. Grosmana i Knebel' (I. Knebel'). (in Russian).

12. Il'inskij, V. (1908). *Blagotvoritel'nost' v Rossii: istorija, nastojashhee polozhenie i zadachi* [Charity in Russia: history, current situation and tasks]. St. Petersburg: Tip. Imp. Chelovekoljubiv. o-va. (in Russian).

13. Maksimov, E. D. (1984). *Istoricheskoe razvitie obshhestvennogo prizrenija v Rossii* [Historical development of public charity in Russia]. St. Petersburg: b.i. (in Russian).

14. Maksimov, E. D. (1907). *Obshhestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii* [Public and private charity in Russia]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj Akad. nauk. (in Russian).

15. Maksimov, E. D. (1905). *Obshhestvennoe popechenie o nedostatochno trudjashhemsja naselenii* [Public care for the underemployed population]. St. Petersburg: Gos. tip. (in Russian).

16. Maksimov, E. D. (1897 – 1898). *Ocherk chastnoj blagotvoritel'nosti v Rossii* [An essay on private charity in Russia]. St. Petersburg: b.i. (in Russian).

17. Plato, K. G. (1903). *Polozhenija o chastnyh obshhestvah, uchrezhdaemyh s razreshenija ministrov, gubernatorov i gradonachal'nikov* [Provisions on private societies established with the permission of ministers, governors and mayors]. Riga: tipo-lit., slovolitnja i foto-himigrafija Je. Platesa. (in Russian).

18. *Samoorganizacija rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX v.* [Self-organization of the Russian public in the last third of the 17th – early 20th centuries]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2011. (in Russian).

19. Sokolov, A. R. (2006). *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mehanizm vzaimodejstvija obshhestva i gosudarstva (nachalo XYIII – konec XIX v.)* [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (beginning of the 13th – end of the 20th century)]. St. Petersburg: Liki Rossii. (in Russian).

20. Terskie vedomosti. 1897. 28 nojabrja. (in Russian).

21. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija – Alanija (CGA RSO-Alanija) [Central State Archives of the Republic of North Ossetia – Alania], f. 11, op. 11, d. 295. (in Russian).

22. CGA RSO-Alanija, f. 11, op. 52, d. 1532. (in Russian).

23. CGA RSO-Alanija, f. 12, op. 2, d. 182. (in Russian).

24. CGA RSO-Alanija, f. 12, op. 2, d. 469. (in Russian).

25. CGA RSO-Alanija, f. 199, op. 1, d. 104. (in Russian).

26. CGA RSO-Alanija, f. 199, op. 1, d. 271. (in Russian).